

ШОУ

СОУ

РЕАЛЬНОСТЬ

РОМАН

МАРК РОКОСОВСКИЙ

Марк Рокосовский

Шов

<https://litres.ru/74077409>

SelfPub; 2026

Аннотация

Однажды герой осознаёт себя внутри сна и понимает, что способен управлять всем вокруг. Но созданные им двери ведут слишком глубоко — туда, где появляются существа, которых он не придумывал.

После пробуждения граница между сном и реальностью начинает разрушаться. Мысли меняют события, знакомые становятся чужими, а два тёмных силуэта продолжают приближаться.

Чтобы понять, что происходит, герой должен вернуться туда, откуда едва смог выбраться, и узнать страшную правду: возможно, сознание никогда не принадлежало человеку полностью.

«Шов» — мистический философский триллер о природе личности, цене свободы и тонкой границе между творцом и частью чужого замысла.

Содержание

ДВЕРИ	5
УБЕДИТЕЛЬНОСТЬ	12
ЭХО ДИВАНА	13
СИНХРОНИЗАЦИЯ	13
СЛОВО	18
КОНТУР	20
ОБРАТНОЕ ЭХО	22
ЗАПРЕТ НА ХАОС	22
ПРОСТУПИВШИЕ	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Марк Рокосовский

Шов

«Человек не просыпается.

Он лишь выбирает более устойчивый сон».

Из записей Архитектора

ПРОЛОГ

ДВЕРИ

Я понял, что сплю, не потому, что увидел что-то невозможное.

Наоборот — всё было слишком настоящим.

Кирпичная стена дома хранила дневное тепло. В швах между кирпичами белела старая известь, а под ладонью чувствовалась мелкая каменная крошка. По улице тянуло бензином, мокрой пылью и кофе из открытого окна на первом этаже. Где-то за перекрёстком ругался водитель. Над проводами висело низкое серое небо, и даже ветер был не абстрактным движением воздуха, а холодной полосой, проходившей под воротником.

Я стоял посреди незнакомой улицы и вдруг знал: всё это придумал я.

Знание пришло без доказательств. Так иногда во сне знаешь имя человека, которого никогда не встречал, или понимаешь, что за дверью море, хотя дом стоит в центре города. Я не рассуждал. Я просто увидел мир как конструкцию, которая по ошибке показала мне чертёж.

Рядом были мои друзья — Кирилл, Маша и Денис. Мы сидели на бордюре, смеялись над чем-то уже забытым, и никто из них не казался удивлённым ни улицей, ни тем, как мы здесь оказались. Кирилл рассказывал историю, размахивая руками. Маша перебивала его. Денис смотрел в телефон, хо-

тя экран был совершенно белым.

Я подумал: если это сон, мне не обязательно сидеть на холодном бордюре.

Посреди проезжей части должен стоять диван.

Не просто диван, а огромный, мягкий, тёмно-зелёный, с глубокими подушками и широкими подлокотниками. Такой, в который можно упасть и исчезнуть. Я представил его без усилия — и он появился.

Не возник в облаке дыма. Не собрался из частиц. Я моргнул, и он уже стоял на асфальте, будто всегда был там. Машины объезжали его, не сигналив. На ткани лежала тонкая полоска пыли. На одной подушке осталась вмятина, как будто кто-то только что встал.

— Серьёзно? — спросила Маша.

Я засмеялся.

— Это мой сон. Здесь можно всё.

Мы уселись на диван прямо посреди улицы. Кирилл снял обувь и забрался с ногами. Денис наконец убрал бесполезный телефон. Мы говорили, шутили, спорили, и я испытывал такое чистое, почти детское счастье, какое бывает только от абсолютной безнаказанности. Мир был послушным. Он не сопротивлялся и не требовал платы.

Тогда мне захотелось проверить, насколько далеко простирается власть.

Я подошёл к зданию напротив. Оно было обычным: четыре этажа, грязно-жёлтый фасад, чёрные потёки под карни-

зом. На первом этаже — закрытая аптека, выше — окна с занавесками. Я провёл ладонью по стене. Шероховатость была безупречной. Под ногтем осталась белая пыль.

Если всё это создало моё подсознание, подумал я, значит, оно знает больше меня. Я не рисовал каждый кирпич, не выбирал форму трещин, не решал, какой запах будет у подъезда. Но детали существовали. Кто-то внутри меня работал быстрее и точнее, чем я сам.

— Кирилл, Маша, идите сюда.

Я представил дверь.

Она проступила в стене так естественно, словно строители просто покрасили её много лет назад, а теперь краска сошла. Сначала появилась тонкая вертикальная щель, потом латунная ручка, затем тёмная деревянная рама. На двери не было номера.

— А там что? — спросил Кирилл.

— Не знаю.

Это и было самым интересным.

Я нажал на ручку.

За дверью оказался длинный коридор, освещённый редкими жёлтыми лампами. Стены были обиты выцветшими обоями. Пол скрипел. Слева и справа тянулись закрытые комнаты. В глубине слышалась вода — ровные капли, падающие в металлическую раковину.

Мы вошли втроём. Денис остался на диване и крикнул, чтобы мы не задерживались.

Внутри пахло старой мебелью и сыростью. Я открывал комнаты одну за другой. В первой стояли школьные парты, обращённые к пустой стене. Во второй висели десятки зимних пальто, и все они слегка покачивались, хотя сквозняка не было. Третья была заполнена песком до середины окна.

Я не придумывал ничего из этого.

И всё же комнаты принадлежали мне.

Или я тогда так думал.

В конце коридора я создал ещё одну дверь — белую, металлическую, как в больнице. За ней оказался зал гостиницы с красным ковром и отключённой люстрой. Потом мы сделали дверь в полу и спустились в детский сад, где на маленьких кроватях лежали аккуратно сложенные взрослые костюмы. Затем — дверь в зеркале, ведущую на пустую кухню, где часы показывали разные минуты.

Каждый переход вызывал восторг. Мир раздвигался перед нами, как бесконечная коробка с секретами. Я перестал возвращаться мысленно к улице. Я уже не помнил, сколько дверей создал и в каком порядке.

Последняя вывела нас на станцию метро.

Платформа была пустой. На путях не было рельсов — только чёрная траншея, уходящая в обе стороны. Белая плитка на стенах местами отвалилась. Табличка с названием станции висела слишком высоко, и буквы на ней расплывались, сколько бы я ни пытался сфокусировать взгляд.

Сначала ничего не происходило.

Кирилл подошёл к краю платформы и бросил вниз монету, найденную в кармане. Звука падения мы не услышали. Маша сказала, что ей холодно. Я подумал о поезде, но поезд не пришёл.

Это было первым неповиновением.

Я представил свет в тоннеле.

Тьма осталась прежней.

Потом Кирилл коснулся моего плеча.

— Там кто-то есть.

На противоположном конце платформы стояли две фигуры.

Я не видел лиц, одежды или рук. Они были темнее тоннеля, но не похожи на тени. Скорее, из пространства вырезали два человеческих силуэта, а отверстия за ними заполнили отсутствием. От них не исходило движения, и всё же расстояние между нами уменьшалось.

Я попытался заставить их исчезнуть.

Ничего.

Представил стену между нами.

Плитка дрогнула, но стена не появилась.

Тогда я понял то, чего во сне понимать не должен был.

Они не мои.

Страх пришёл мгновенно и целиком. Не как мысль, а как команда телу. Сердце сжалось. Во рту появился металлический привкус. Маша отступила. Кирилл тихо выругался.

Фигуры приблизились ещё на несколько метров.

Они не шли. Между одним мгновением и другим просто оказывались ближе.

— Назад, — сказал я.

Мы бросились к двери, из которой пришли. Я захлопнул её и представил, как она исчезает. Дерево смялось внутрь стены, ручка втянулась, щель заросла плиткой.

Мы оказались на кухне с часами. Я уничтожил дверь в зеркале. Потом в детском саду — дверь в полу. В гостинице — металлическую дверь. Мы бежали через собственные декорации, а я стирал путь за нами, как человек, поджигающий мосты.

Но с каждым уничтоженным проходом шаги становились слышнее.

Не быстрые. Не тяжёлые.

Две пары шагов, которые всегда звучали за ближайшей стеной.

В коридоре с обоями Кирилл споткнулся. Я схватил его за руку. На мгновение наши взгляды встретились, и мне показалось, что за его лицом находится другое — неподвижное, терпеливое, ожидающее, когда я моргну.

Мы вывалились на улицу.

Диван стоял там же. Дениса на нём не было. Машины исчезли. Окна домов были чёрными. Серое небо опустилось до крыш.

Я обернулся к стене и уничтожил первую дверь.

Несколько секунд ничего не случилось.

Потом изнутри кирпичной кладки раздался стук.

Один раз.

Второй.

Словно кто-то проверял, насколько крепко я заделал выход.

Я проснулся.

Комната была тёмной. Рядом на полу спали друзья. Телевизор показывал беззвучную рекламу. На часах было 4:17.

Сердце билось так сильно, что я не сразу услышал другое.

Из прихожей донеслись два спокойных шага.

Пауза.

Ещё два.

А затем кто-то с той стороны входной двери медленно провёл ногтем по дереву.

ЧАСТЬ I

УБЕДИТЕЛЬНОСТЬ

ГЛАВА 1

ЭХО ДИВАНА

СИНХРОНИЗАЦИЯ

Я лежал неподвижно, пока царапанье не прекратилось.

Труднее всего было решить, действительно ли я его слышал. После кошмара любое движение дома становится продолжением сна: холодильник вздыхает, трубы стонут, сосед поворачивает ключ в замке — и разум, ещё не вернувшийся в своё тело, соединяет звуки в угрозу.

На полу возле дивана спал Денис. Маша свернулась в кресле, укрывшись курткой. Кирилл лежал на большом сером пуфе, неудобно подогнув руку под голову. Мы собрались у него вечером, чтобы отметить его день рождения, и в какой-то момент разговоры, еда и дешёвое вино победили всех одновременно.

Я посмотрел на часы.

4:17.

Цифры казались знакомыми не потому, что я видел их раньше, а потому, что они уже чего-то от меня хотели.

В прихожей было тихо.

Я встал и подошёл к двери. Глазок показывал пустую лестничную площадку. Лампа над лифтом мерцала. На коврике лежала рекламная листовка, которой вечером не было.

Открывать я не стал.

Когда вернулся в комнату, Кирилл сидел на пуфе и смотрел на меня.

— Ты чего ходишь? — спросил он.

Голос был сонный, обычный.

— Приснилось.

— Что?

Я хотел сказать: «двое людей без лиц», но фраза показалась слишком живой. Произнесёшь — и они получают ещё один способ существовать.

— Ерунда.

Кирилл кивнул и снова лёг. Через минуту его дыхание стало ровным.

Я больше не уснул.

Утром сон не рассыпался, как обычно. Он сохранялся во мне с неприятной физической точностью. Я помнил холод латунной ручки, царапины на паркете, влажный запах метро. Даже шершавость кирпича всё ещё ощущалась на подушечках пальцев. Я несколько раз тёр руку о джинсы, будто хотел стереть остатки стены.

Друзья просыпались медленно и шумно. Денис искал зарядку. Маша жаловалась на шею. Кирилл ставил чайник и с преувеличенной бодростью объявлял, что тридцать два года — это новые двадцать пять, только спина уже не согласна.

Я слушал их и испытывал странное облегчение. Живые люди не совпадают с нашими представлениями о них.

Они перебивают, ошибаются, раздражают, пахнут несвежим сном. В этом несовершенстве было доказательство реальности.

— Мне сегодня какая-то дичь снилась, — сказала Маша, размешивая сахар.

Ложка ударилась о стенку кружки.

Я поднял голову.

— Какая?

— Улица. Мы сидим на диване прямо на дороге. Зелёном таком. И ты всем командуешь, как режиссёр на площадке.

На кухне стало тихо.

Кирилл перестал резать хлеб.

— С подушкой, на которой вмятина? — спросил он.

Маша медленно повернулась к нему.

— Ты откуда знаешь?

Денис усмехнулся, но получилось неуверенно.

— Вы вчера уснули под один фильм. Мозг дорисовал.

— Телевизор показывал футбол, — сказал Кирилл. — И я тоже там был. Мы потом куда-то пошли через двери.

Я почувствовал, как по спине проходит холод.

— До метро дошли?

Никто не ответил сразу.

Маша поставила кружку на стол.

— Там были двое.

Денис всё ещё пытался улыбаться.

— Очень смешно. Кто первый придумал?

— Ты остался на диване, — сказал я.

Улыбка исчезла.

— Нет, — ответил Денис. — Я пошёл за вами. Просто вы меня не замечали.

Мы смотрели друг на друга, и каждый ждал, что кто-нибудь рассмеётся. Никто не рассмеялся.

Мы восстановили сон по частям. Совпадало слишком многое: запах аптеки на улице, пальто в комнате, песок у окна, гостиничный ковёр, станция без рельсов. Но были различия. Маша помнила детскую песню, звучавшую в одной из комнат. Кирилл утверждал, что на дверях появлялись номера. Денис видел себя рядом с нами почти до самого метро, хотя остальные трое были уверены, что он остался на диване.

И каждый слышал шаги после пробуждения.

В 4:17.

Мы договорились, что это коллективное внушение. Другого объяснения, пригодного для утра, у нас не было. Кто-то произнёс во сне фразу, остальные услышали. Возможно, в комнате шёл фильм. Возможно, мы обсуждали что-то похожее вечером и забыли. Мозг умеет шить воспоминания задним числом — об этом Денис читал статью и теперь повторял её основные тезисы, как спасительную молитву.

Я сделал вид, что поверил.

На улице меня встретил обычный город. Автобусы опаздывали. Люди ругались в телефоны. У магазина грузчик уронил ящик с бутылками, и звон стекла был настолько матери-

альным, что я почти успокоился.

Почти.

Реальность казалась прежней, но я чувствовал под ней слабую податливость. Как если бы привычный бетон оказался тонким слоем штукатурки, нанесённой на ткань.

У кофейни передо мной стояла очередь. Я опаздывал и подумал, что было бы удобно, если бы кто-нибудь просто протянул мне чашку.

Мысль была случайной. Я не пожелал, не приказал. Просто увидел короткую картинку: рука незнакомца, стакан с чёрной крышкой, моё имя, написанное маркером.

В ту же секунду девушка у стойки обернулась.

— Артём?

Я вздрогнул.

Она держала стакан.

— Да.

— Вам, кажется. Бариста перепутал заказ. Я уже отпила свой, а этот стоит лишний.

На картонной стенке было написано «Артём».

Я не брал кофе.

— Здесь другой Артём, наверное.

— Да какая разница? — она улыбнулась. — Всё равно остынет.

И протянула мне стакан.

СЛОВО

Первое совпадение можно не заметить. Второе — объяснить. Третье требует от человека либо честности, либо таланта к самообману.

В тот день их было семь.

Я подумал, что начальник отменит совещание, и через минуту сработала пожарная сигнализация. Представил, как коллега произнесёт редкое слово «палимпсест», и услышал его в разговоре о старой вывеске. В автобусе захотел свободное место — мужчина рядом вскочил, вспомнив, что проехал остановку.

Ничего невозможного не происходило. Мир не нарушал законов. Он лишь выбирал из допустимых вариантов тот, который совпадал с моей мыслью.

К вечеру я начал проверять.

Сначала осторожно. Я смотрел на прохожего и мысленно просил его поправить воротник. Потом — остановиться у витрины. Потом — обернуться.

Три человека из пяти выполняли приказ.

Я сидел на скамейке и чувствовал одновременно восторг и тошноту. Восторг был знакомым — таким же, как во сне, когда диван возник на дороге. Тошнота появилась позже, вместе с пониманием, что каждый успешный опыт отнимает у мира немного независимости.

Я выбрал мужчину в синем пальто. Он шёл быстро, не глядя по сторонам.

«Урони ключи».

Мужчина сделал ещё три шага. Из его кармана выпала связка.

Он не заметил.

«Вернись».

Мужчина остановился, нахмурился и посмотрел назад.

Я поднялся со скамейки и ушёл прежде, чем он увидел меня.

Дома я записал всё в блокнот. Время, мысль, событие, вероятность случайного совпадения. Пытался превратить страх в исследование. Таблица придавала происходящему видимость границ.

В 23:40 я написал:

«Я не создаю. Я убеждаю реальность выбрать нужный вариант».

Подумал и добавил:

«Но кто именно убеждает её — я или то, что вернулось со мной?»

Чернила на последнем слове расплылись.

Не от воды. Бумага оставалась сухой.

Чёрное пятно медленно вытянулось вверх и на несколько секунд приняло форму человеческой фигуры.

Я закрыл блокнот.

КОНТУР

Ночью я не выключал свет.

Сон не приходил, хотя тело было тяжёлым. Я лежал и следил за дверью спальни. Она была самой обычной: белая краска, дешёвая ручка, узкая щель у пола. Но теперь любая дверь казалась мне предложением.

Около двух часов я услышал сообщение.

Маша написала в общий чат: «Вы спите?»

Кирилл ответил сразу: «Нет».

Денис прислал фотографию часов. 2:03.

Я напечатал: «Тоже нет».

Несколько минут никто не писал.

Потом Маша спросила: «У вас сегодня происходило то, о чём вы думали?»

Я перечитал вопрос трижды.

Кирилл ответил первым: «Да».

Денис долго молчал, затем написал: «Нет. Идите к врачу».

Через минуту от него пришло второе сообщение: «Хотя лампа в подъезде погасла, когда я подумал, что она сейчас погаснет. Но это лампа».

Мы договорились встретиться утром.

Я убрал телефон и увидел на двери тонкую вертикальную линию.

Она начиналась у пола и поднималась почти до ручки. Не

трещина в краске. Скорее, след карандаша, очень ровный и слишком тёмный. Я подошёл ближе. Линия продолжала расти.

Медленно, миллиметр за миллиметром.

Я не двигался.

Где-то за стеной работал лифт. В трубах шумела вода. Обычные звуки дома отступали, оставляя только тихое царапанье, с которым линия поднималась к потолку.

Я подумал: «Это не дверь».

Линия остановилась.

Я повторил вслух:

— Это не дверь.

Второй контур не появился.

Утром на краске ничего не было. Я осмотрел дверь при солнечном свете, провёл ногтем, сфотографировал. Чистая поверхность.

Но в блокноте, между страницами с таблицей, лежала тонкая полоска белой краски.

По форме она напоминала дверной косяк.

ГЛАВА 2

ОБРАТНОЕ ЭХО

ЗАПРЕТ НА ХАОС

Мы встретились в маленькой пекарне возле набережной. Место выбрала Маша: людное, светлое, без закрытых дверей, кроме туалета и кухни. Она пришла первой и заняла стол у окна. Перед ней стоял нетронутый чай.

Кирилл выглядел так, будто не спал несколько суток. Денис, наоборот, был подчёркнуто собран: свежая рубашка, ноутбук, папка с распечатками. Он принёс научные статьи об общих сновидениях, ложных воспоминаниях и внушаемости. Ни в одной не было ничего, что объясняло бы четыре одинаковые станции метро.

Мы выложили телефоны на стол и договорились не произносить вслух случайные желания.

— Уже звучим как секта, — сказал Кирилл.

— Секты обычно знают, во что верят, — ответила Маша.

Денис раздал нам листы. На каждом была таблица: мысль, время, событие, свидетели. Оказалось, он тоже вёл учёт, хотя ночью отрицал происходящее.

У Маши совпадения касались звуков. Она вспоминала песню — та начинала играть у соседей или в машине на улице. Думала о звонке — звонил телефон. Кирилл влиял на

слова: люди произносили то, что он ожидал от них услышать. У Дениса менялась техника. Экран зависал на нужном кадре, дверь лифта открывалась на его этаже до нажатия кнопки, поисковая строка предлагала фразу, которую он ещё не успел набрать.

Мой дар казался шире. Это никого не обрадовало.

— Может, потому что ты первым понял, что спишь, — сказала Маша.

— Или потому что сон был его, — возразил Кирилл.

Денис покачал головой.

— Мы не знаем, чей он был.

Эта фраза заставила нас замолчать.

За соседним столом женщина кашлянула. Я посмотрел на неё и мгновенно подумал: «Только бы не подавилась».

Она кашлянула снова, сильнее.

Я отвёл взгляд.

«Не надо».

Женщина схватилась за горло.

Стул отлетел назад. Мужчина рядом вскочил. Кто-то закричал, чтобы вызвали скорую. Я сидел, вцепившись в край стола, и пытался не представлять худшее, но запрет уже создал образ: перекрытое дыхание, синеющие губы, падение.

Каждая попытка вытолкнуть картину делала её ярче.

Маша ударила ладонью по столу.

— Артём, смотри на меня.

Я посмотрел.

— Представь, что она смеётся, — сказала Маша. — Не «не умирает». Смеётся.

Я увидел женщину, которая вытирает слёзы и смеётся от неловкости.

За соседним столом мужчина хлопнул её между лопаток. На пол выпал кусочек яблока. Женщина вдохнула, закашлялась и вдруг действительно рассмеялась — хрипло, со слезами.

Все вокруг облегчённо заговорили.

Я вышел на улицу.

Меня вырвало у мусорного контейнера.

До этого момента совпадения были забавными фокусами. Теперь я понял, что мысль не различает желание и страх. Реальность слышит не смысл, а силу образа.

С этого дня я начал контролировать себя.

Не думать о ДТП, когда переходишь дорогу. Не замечать человека на краю платформы. Не представлять болезнь, читая новости. Не произносить про себя «лишь бы». Избегать злости. Не вспоминать силуэты.

Задача оказалась невозможной.

Сознание, которому запрещают мысль, превращается в комнату, где все предметы принимают её форму. Я просыпался с напряжённой челюстью. На работе не мог сосредоточиться. Любая фраза раздваивалась: одна была сказана, вторая — та, которую нельзя говорить.

Однажды коллега задержал отчёт. Я почувствовал раздра-

жение и сразу увидел, как он падает с лестницы. Я заставил себя представить цветы. Цветы превратились в венок. Я подумал о море. Море стало местом утопления.

К вечеру коллега действительно поскользнулся на ступеньках, но успел схватиться за перила.

Он засмеялся. Я нет.

ПРОСТУПИВШИЕ

Силуэты появлялись там, где мысль меняла мир.

Сначала — в отражениях. В стекле автобуса за моей спиной стояли двое, хотя салон был почти пуст. В витрине аптеки они отражались между прохожими, не закрывая рекламный текст. На выключенном экране ноутбука две тёмные фигуры возникли после того, как начальник неожиданно подписал документ, об одобрении которого я слишком сильно думал.

Если я оборачивался, никого не было.

Потом они начали оставлять следы.

На запотевшем зеркале в ванной появились две вертикальные полосы, будто кто-то стоял вплотную к стеклу и не отражался. В лифте кнопка минус второго этажа загорелась сама, хотя в доме не было такого уровня. На телефоне возникла фотография, которой я не делал: пустая платформа, снятая с края тоннеля. В правом углу кадра стоял человек. В левом — отверстие в форме человека.

Я отправил снимок друзьям.

Маша позвонила через несколько секунд.

— Удали.

— Почему?

— Потому что после того, как я открыла фотографию, у меня кто-то постучал в дверь спальни.

— Ты дома одна?

— Да.

На фоне раздался стук.

Три раза.

Не во входную дверь. Совсем рядом с телефоном.

— Маша, выйди из квартиры.

— Дверь спальни не открывается.

Я услышал, как она дёргает ручку. Потом — её дыхание.

— Не представляй их, — сказал я. — Представь коридор пустым.

— Я не могу.

Стук повторился, теперь ниже, словно тот, кто находился снаружи, опустился на колени.

Я закрыл глаза. Увидел Машину комнату, хотя бывал там только однажды. Светлая стена, шкаф, кровать у окна. Представил, как замок щёлкает и дверь распахивается.

В трубке раздался резкий звук.

— Открылась, — прошептала Маша.

— Беги.

Она выбежала на лестницу и спустилась к соседке. Позже

сказала, что коридор был пуст. На двери спальни с внешней стороны остались две длинные вмятины, как от ударов чем-то мягким и тяжёлым.

В ту ночь мы впервые сформулировали правило: использование способности делает нас видимыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.